

85 ЛЕТ СО ДНЯ СМЕРТИ ГЕНРИХА ГЕЙНЕ

Г Е Н Р И Х Г Е И Н Е

Стихотворения

Перевод с немецкого В. ЛЕВИКА

* * *

Не знаю, что стало со мною,
Моя печаль все сильней.
Давно не дает мне покоя
Сказанье прошлых дней.

Прохладен воздух, темнеет,
Но Рейна глубь светла.
В лучах зари пламенеет
Высокая скала.

Там девушка, песнь напевая,
Сидит на вершине крутой.
Сияет коса золотая,
И гребень горит золотой.

Сидит и поет над рекою
И волосы чешет она,
И дикой, и страсти тоскою
Волшебная песня полна.

Гребец, в смятеньи глубоком,
Роняет весло в быстрину,
Не спорит больше с потоком,
Глядит лишь туда, в вышину.

Я знаю, волна, свирепея,
Потопит челн меж камней.
И это все Лорелей
Сделала песней своей.

* * *

Печаль, печаль в моем сердце,
А май расцветает кругом.
Стою под липой зеленою
На старом валу крепостном.

Внизу канал обводный
На солнце ярко блестит.
Мальчишка едет в лодке,
Закинул лесу — и свистит.

На том берегу пестреют,
Как разноцветный узор,
Дома, сады и люди,
Луга, и коровы, и бор.

Девчонки белье полощут,
Звенят их голоса.
Бормочет мельница глухо,
Алмазы летят с колеса.

А там караульная будка
Под башней стоит у ворот,
И парень в красном мундире
Шагает взад и вперед.

Своим ружьем он играет,
Горит на солнце ружье.
Вот вскинул, вот взял на мушку, —
Стреляй же в сердце мое!

Скажи, кто открыл нам времени счет,
Придумал часы и размели год?
— То хмурый был, зябкий чудак.—
за столом
Сидел он в зимние ночи с пером,
Считал и слушал, как мыши пищали,
Да как сверляки монотонно трещали.

* * *

А кто открыл поцелуям счет?
— Томимый блаженством пламенный
рот.
И он не думал, он целовал.
Кругом волшебный май ликовал,
Цветы расцветали, луга зеленели,
Сияло солнце и птицы пели.

ANNO 1829

О, пусть я кровью изойду;
Но дайте мне простор скорей!
Мне страшно задыхаться здесь
В проклятом мире торгащей!

С утра до ночи пьют и жрут,—
Кротовье счастье брюху впрок.
Как дырка в кружке для сирот,
Их благоправный дух широк.

Их труд — в карманах руки греть,
Сигары модные курить.
Спокойно переварят все,
Но их-то как переварить?

Хоть на торги со всех сторон
Привозят пряности сюда,

От их душонок рыбых тут
Смердит тухлятиной всегда.

Нет, лучше мерзостный порок,
Разбой, насилие, грабеж,
Чем счетоводная мораль
И добродетель сытых рож!

Эй, тучка, унеси меня,
Возьми с собой в далекий путь,
В Лапландию, иль в Африку,
Иль хоть в Штеттин, — куда-нибудь!

О, унеси меня! Летит...
Чт' тучке мудрой человек!
Над этим городом она
Пугливо ускоряет бег.

В ОКТЯБРЕ 1849 ГОДА

Улется грозный ураган!
Мы спим в тиши гнезда родного.
И вот, ребенок — великан,
Германия справляет елку снова.

И каждый занят лишь семьей,
Мечты — от беса, мысли — вызов!
Мир возвращается домой,
Как ласточка под сень родных карнизов.

Все спят в лесу и на реке,
Залитой лунными лучами.
Но что там? Выстрел вдалеке!
Быть может, друг расстрелян палачами!

Быть может, одолевший враг
Всадил безумцу пулю в тело.
Увы, не все умны, как Флакк!
Он уцелел, бежав от битвы смело.

Вновь треск... Не в честь ли Гете пир?
Иль новым пламенем согрета,
Вернулась Зонната в шумный мир
И славит лиру дряхлую ракету?

А Лист? О, милый Франц, он жив!
Он не заколот в бойне дикой,
Не пал среди венгерских нив,
Убитый царской иль кроатской пикой.

Пусть кровью изошла страна,
Пускай раздавлена свобода,
Что ж, дело Франца — сторона,
И шпагу он не вынет из комода.

Он жив, наш Франц! Когда-нибудь
Он сможет прежнею отвагой
В кругу своих винчат хвастнуть:
«Так я лежал, так действовал я
шпагой».

При слове Венгрия во мне
Вскипает бурно кровь; мне тесен
Камзол немецкий; в тишине
Я слышу зов далеских труб и песен.

То музыка былых побед,
Железных гимнов, что слагали
Седые скальды древних лет, —
Легенд о Нibelунгах, о Валгалле.

Игра судьбы повторена,
Воскресли дни великой были,
Лишь изменились имена,
Но все герои те же, что и были.

Им также гибель рок судил,—
Хоть реют стяги в гордом строе,
Пред властью грубых темных сил
Обречены падению герои.

О да! Медведь и бык теперь —
Союзники. В неравном споре

Ты побежден, мадьяр, но верь —
Мы все живем и не в таком позоре.

Пойми, хозяева твои —
Вполне пристойная скотина,
А мы — рабы осла, свиньи,
Мы в грязном псе признали господина.

От смрада их спасенья нет, —
Лай, хрюканье и визг, мычанье!
Но не волнуйся так, поэт,
Ты болен — и умней хранить молчанье.

* * *

Завидовать жизни любимцев судьбы
Смешно мне, но я поневоле
Завидовать их смерти стал,
Кончине без муки, без боли.

В роскошных одеждах, с венком
на челе.
В веселье сладострастном
Средь пышных пиров умирают они,
Сраженные призраком властным.

И, покидая с улыбкой мир,
До старости бодры и юны,
Нисходят в царство мертвцевов
Все фавориты фортуны.

Сухотка их не извела,
У мертвых приличная мина,
Достойно вводят их в свой круг
Царевна Прозерпина.

Завидный жребий! А я семь лет,
С недугом тяжким в теле,

Терзаюсь — и не могу умереть,
И корчусь в моей постели.

О, господи, пошли мне смерть,
Внемли моим рыданьям!
Ты сам ведь знаешь, у меня
Таланта нет к страданьям!

Прости, но твоя нелогичность,
Господь,
Приводит в изумление:
Ты создал поэта весельчака,
И портишь ему настроение.

От боли веселый мой прав заcha,
Ведь я уже меланхолик.
Кончай эти шутки, не то из меня
Получится католик.

Тогда я вой подниму до небес
По обычаю добрых папистов.
Не допусти, чтоб так погиб
Умнейший из юмористов!